

* * * * *

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь из гуманитарных ученых был окружен такой славой, таким интересом, таким почтением со стороны ровесников и младших и обожанием со стороны старших, как Сергей Сергеевич Аверинцев в 1970-е и 1980-е гг. На его выступления и лекции (на любую, в сущности, тему) сходились толпы, так что большие аудитории не могли вместить и пятой части тех, кто пришел его слушать. Его мнение по множеству вопросов представлялось важнейшим: как будто это было суждение не отдельного человека, пускай фантастически образованного и гениально умного, а самой культурной традиции. После лекции (смушая его этим нещадно)

к нему нередко подводили детей и просили их благословить, как будто он был священником. В нем искали не только культурного и морального, но и духовного авторитета. И неслучайно: именно от него в советской пустыне мы впервые узнавали о самых высоких и сложных темах христианского богословия, и не только древнего: современная мысль (совершенно неизвестная у нас) была ему так же внятна. От него мы впервые узнавали не только об Ареопагите и Максиме Исповеднике, но и о Ж. Маритене и К. Г. Юнге, узнавали по-новому не только Вергилия и Ефрема Сирина, но Мандельштама и П. Целана.

Я не отнесла бы все имена и сочинения, с которыми С. С. Аверинцев имел дело, к области эрудиции: это не то, что он «знал» или «исследовал», а то, с чем он жил; это те, с кем он беседовал — и часто годами. Он так много увидел в каждом из них, так соотнес между собой разные эпохи, их внутренние тяги и переклички, что из этого выстраивалась архитектура огромного общего смысла и смыслов. И наше культурное общество в эти годы (глухие годы пресловутого «застоя») необыкновенно тянулось к смыслу и смыслам. Мои ровесники и друзья искали этих смыслов не в современной нам художественной продукции, а в том, что на выработанном им удивительном языке, точном и вдохновенном (а время было безъязыкое) писал и говорил Аверинцев.

В своем некрологе С. С. Аверинцеву итальянский славист Витторио Страда заметил, что само явление такого человека в России после десятилетий воспитательной антикультурной и атеистической работы над населением — не что иное, как чудо. Таких, как он, просто не должно было быть. Не говоря о том, что таких «великих европейцев» уже мало оставалось и в Европе. К словам В. Страда можно добавить еще вот что: чудом было и само публичное, гласное существование Аверинцева в своей (нашей) современности. Его не вытеснили в культурное подполье, во «вторую культуру». Со многими затруднениями, но он смог предать публичности свои работы и мысли, которые расходились с господствующей идеологией так радикально, как мало чьи. Сам Сергей Сергеевич с его особым юмором назвал собственную жизнь и жизнь своего ближнего круга в те годы «нарушением общественного неприличия». Тех, кто его всерьез читал и слушал, никакие — и самые новые — формы «общественного неприличия» уже не могли увлечь.

Да, Аверинцев был полноправным наследником огромной гуманистической традиции, и отечественной, и европейской, но было бы глупой ошибкой отнести его просто к «охранителям» или к почтенным «археологам культуры». С теми, от кого он принял свое наследство, со своими учителями он продолжал разговор: ему было что добавить и к чему поставить

вопрос. Он исходил из того опыта, который принес страшный XX в. Этот опыт заставил на многое посмотреть иначе. Сам Аверинцев, определяя собственную общественную или политическую позицию как «просвещенный консерватизм» (подчеркивая при этом: с ударением на эпитете «просвещенный»), мог сбить своего наивного читателя с толку. В культуре, в духе его задача и его дар были направлены на другое. Сама перспектива его восприятия мира несла в себе огромную новизну. Вот ее-то почувствовать и, тем более, описать трудно. Это была — и есть — та новизна, которая состоит не в изобретении новых «методов» и «ключевых терминов» (наподобие «карнавала» или «полифонии» у М. Бахтина; наподобие актуальных «практик» и т. п.), не в резких и «авангардных» смещениях привычных форм. В этих областях возможность существенной новизны давно исчерпана. А новая, неожиданная новизна — в чем будет она? В том, чего больше всего недостает «духу времени». В случае нашего духа времени, я бы сказала: ясности и надежды. Ясности, которая всерьез приняла многое, чего раньше не принимали. И — говоря по-аверинцевски — хорошо фундированной надежды. Новее и необходимое, чем такие ясность и надежда, ничего нет.

И сейчас, уже через 15 лет после его ухода, по разным поводам открывая то или иное его сочинение, я каждый раз испытываю терапевтическое воздействие

его письма. Письмо Аверинцева — лекарство от уныния, скепсиса, внутреннего разброда, от согласия на собственную маргинальность, от новейшей «постправды», от того распада больших форм и «больших слов», которым больна наша современность. О чем бы ни писал Аверинцев (а он всегда писал о чем-то конкретном: скажем, о звукописи К. Брентано; он избегал рассуждать «вообще»), в любом своем предмете он приобщает нас к океану человеческого творчества, человеческого гения, слова, которое в силах отвечать изумительному замыслу мира. Когда уже почти столетие одну за другой объявляют исторические смерти: смерть автора, смерть стиля, тщету или репрессивность языка и т. п. — Аверинцев осмеливается утверждать, что человеческое слово — *sapax Dei*: способно вместить божественное.

Сергей Сергеевич Аверинцев был великим даром русской истории и русской культуре. Я не уверена, что мы оценили этот подарок и хорошо его восприняли. То, что он говорил, мало обсуждалось, мало обдумывалось. Кажется, это противоречит тому, что я говорила в начале о его славе и авторитете? Ничуть. Бывали возражения со стороны позитивистски настроенных коллег, что все это «непрофессионально». Бывали сближения, такие поверхностные, что и вспоминать их не стоит: «наш Шпенглер», «еще один Жильсон» и т. п.

Среди даров, которые Аверинцев принес нам, одним из первых и самых редких в наших широтах я назвала бы здравомыслие, или трезвость, которая никаким образом не переходит в скепсис (скепсис Сергей Сергеевич никогда не признал бы трезвостью). Поэтическое здравомыслие, благородную трезвость. Я думаю, Аверинцев как мало кто обладал одной из классических добродетелей — *prudentia* (обычно это слово переводят как «благоразумие»). Эту добродетель — ее изображают трехглазой — определяли так: хорошая память о том, что было; зоркость к тому, что есть; предвидение того, что будет. Иначе говоря, в *prudentia* входит ответственность (память о прошлом), способность убрать себя из центра собственного внимания (иначе не увидишь происходящего в его широте) и дальновидность. Все эти черты были в мысли Аверинцева. Подгонка под ответ, преувеличение, упрощение, забвение чего-то (многого) ради чего-то еще (одного) — все эти привычные здешние навыки несовместимы с позицией Аверинцева. Он не то чтобы напоминает: он всегда помнит сам (и тем дает увидеть другим, как красива такая память), что все сложно: сложнее, чем хочется азартному человеку, — и, в конечном счете, все совершенно просто: проще, чем хочется человеку лукавому. Словами самого Аверинцева: благословенная сложность и благословенная простота. И еще одна важная вещь:

Аверинцев напоминал нам (совсем не дидактическим образом), что восприятие мира человеческих смыслов как целого, стройного и полного будущим космоса не падает с неба и не удерживается само собой, независимо от нашей жизни. Многие гуманитарные истины — исповеднические истины: требуется что-то сделать, чтобы их увидеть и удержать, требуется хранить им верность.

В последние десятилетия присутствие С. С. Аверинцева в нашей публичной жизни сходит на нет. Его почти не издают и не переиздают, о нем мало говорят. Интеллектуальный дух времени как будто отвернулся от него. Для того, кто видел необычайную славу Аверинцева, отечественную и мировую (с чего я начала этот мой разговор), и кто представляет себе, какие сокровища могут быть заключены в самой маленькой его словарной статье, в каком-нибудь построчном комментарии, эта «пропажа Аверинцева» из нашей жизни — настоящая беда.

Я взялась собрать эту книгу (в нее включено то, что мне пришлось писать о С. С. Аверинцеве в разные годы) с надеждой, что она хоть немного изменит это положение.

Самая концептуальная работа, вошедшая в эту книгу, написана еще при жизни С. С. Аверинцева, в 1997 г., к его 60-летию. Это была первая (!) попытка исследовать уникальность его исследовательской и

человеческой позиции. Она называется «Рассуждение о методе», и это название должно было отсылать читателя к знаменитому трактату Р. Декарта¹, который принято считать началом эпохи Нового времени. Тот исторический поворот, который я видела в работе С. С. Аверинцева, мне представлялся не менее значительным. То, что происходит с привычными понятиями и навыками умственной работы в его трудах, говорит о конце Нового времени — и о начале, если угодно, другого времени, После-нового. Но имеется в виду вовсе не время всеобщего истощения смыслов, опустошения форм, распада прежних цельностей и всего того, о чем без конца говорит уже ветшающий постмодернизм. Наоборот, это большое, освобожденное от просвещенческих и послепросвещенческих ограниченностей время, открывающее способность вновь общаться с древними и классическими сокровищами человеческого творчества. С огромной радостью я узнала, что С. С. Аверинцев остался чрезвычайно доволен этим моим «Рассуждением».

Остальные работы о С. С. Аверинцеве я писала уже после его ухода. Они были связаны с двумя центрами,

1 «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (*Discours de la méthode pour bien conduire sa raison, et chercher la vérité dans les sciences*), 1637.

хранящими память Аверинцева, одним в Москве, другим в Риме. В Москве это Свято-Филаретовский православно-христианский институт, где все эти годы проходили разнообразные конференции, посвященные Сергею Сергеевичу. В Риме — это руководимый проф. Джузеппиной Адзаро (*Giuseppina Azzaro*) и Пьерлукой Адзаро (*Pierluca Azzaro*) фонд «София», в дальнейшем ставший новой римской академией *Sapientia et Scientia*, основанной в 2010 г. в память о С. С. Аверинцеве, членом которой я имею честь состоять. Статьи, лекции, доклады и сообщения, сделанные на московских и итальянских конференциях, и включены в этот сборник. Первая и самая обширная из них — актовая лекция в СФИ (2005): она, по моему замыслу, вводит в общее содержание книги.

Второй ее отдел составляет научная биография С. С. Аверинцева, которую я писала вскоре после его кончины по предложению Российской академии наук для серии «Материалы к биобиблиографии ученых»². Здесь она названа «Труды и дни», в издании РАН — «Сергей Сергеевич Аверинцев: к творческому портрету ученого». Это была первая — и, увы, до

2 Седакова О. Сергей Сергеевич Аверинцев: к творческому портрету ученого // Сергей Сергеевич Аверинцев : 1937–2004. М. : Наука, 2005. С. 6–72. (Материалы к биобиблиографии ученых : Литература и язык; вып. 29).

сих пор оставшаяся единственной — попытка «реконструировать» творческий путь С. С. Аверинцева. Задача по многим причинам чрезвычайно трудная. Книга, изданная в издательстве «Наука» крохотным тиражом, быстро исчезла и никогда больше не переиздавалась.

Третий раздел составили лекции, доклады и выступления, о которых я сказала выше.

И, наконец, последний, четвертый отдел — отклики на кончину Сергея Сергеевича.

За пределами книги осталась мемуарная проза и стихотворные посвящения.

И — совсем кратко — об истории наших отношений. В строгом, академическом смысле я не могу называть себя ученицей С. С. Аверинцева: мне не пришлось сдавать ему экзамены. В мои университетские годы С. С. Аверинцев не преподавал регулярно на филологическом факультете. Однако факультативно он читал свой эпохальный двухгодичный курс «Византийской эстетики» (1969–1971) на историческом факультете. Я слушала и этот курс, с которого для меня началась в своем роде «новая жизнь». Слушала я (приблизительно в это время или немного позже) и другой его курс, закрытый и полусекретный, в кругу немногих участников, — курс по книгам Ветхого Завета для древнерусистов.

С 1992 г. С. С. Аверинцев стал моим непосредственным руководителем: он возглавлял Сектор христианской культуры Института мировой культуры МГУ, а я была (и осталась поныне) сотрудником этого сектора. Здесь уже начинается прямое сотрудничество, общие проекты...

Особенно часто мы встречались в последние 10 лет его жизни, и по преимуществу в Европе (в Италии, Франции, Австрии, Германии) на разных конференциях, встречах, семинарах. Мне довелось видеть того Аверинцева, которого в России мало кто видел: Аверинцева, выступающего по-немецки, по-английски, по-итальянски, перед светскими и перед церковными слушателями. Я могу быть свидетелем самого глубокого интереса и почтения, с которыми его читали и слушали. Самыми значительными из наших общих встреч (я думаю, Сергей Сергеевич согласился бы со мной) были ежегодные «Соловьевские встречи» в Ватикане: обеды с Иоанном Павлом II в его покоях (1996–1999).

Именно Сергей Сергеевич познакомил меня с о. Георгием Кочетковым и Преображенским союзом малых братств.

Поэзия занимала самое значительное место в нашем общении. С тех пор как мои стихи стали публиковаться в СССР (с 1990 г.), С. С. Аверинцев не раз писал о них, выступал на моих вечерах. Ему принад-

лежит предисловие к моей первой изданной в России большой книге стихов³. Он был моим рекоммендателем при присуждении звания Доктор богословия *honoris causa* в Европейском университете Минска (2003).

3 Аверинцев С. Горе, полное до дна // Седакова О. А. Стихи. М. : Гнозис : Carte Blanche, 1994. С. 358–363.